

Мария Львовна Гордиевская
(Московский Государственный Университет
им. М. В. Ломоносова)

Скрытые категории русского языка и формирование синтаксического «запрета»: к постановке проблемы¹

Введение

Классическая грамматика языка, в том числе русского, обычно описывает маркированные оппозиционные значения, которые пронизывают всю языковую систему целиком. Однако на отдельных участках этой грамматической системы мы встречаемся с маргинальными проявлениями, которые никак не укладываются в рамки стройных парадигм. Вопрос о происхождении этих аномалий всегда интересовал лингвистов. Подобные «сбои» в системе часто выражаются в виде синтаксических

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-00145 «Имплицитное содержание единиц русской речи: Системное описание»).

«запретов», которые нельзя объяснить только влиянием лексической сочетаемости. Например, говоря об эмоциональном состоянии, мы не всегда можем произвести безличную трансформацию: *Я смеюсь* → *Мне смешно*, но *Я сержусь* → \emptyset и др. Синонимическая замена творительного инструмента на универсальные конструкции «при помощи X», «использовать X» далеко не всегда будет правильной: *Он открыл дверь отмычкой* → *Он открыл дверь при помощи отмычки* → *Он использовал отмычку, чтобы открыть дверь*, но *Он открыл дверь ногой* → **Он открыл дверь при помощи ноги* → **Он использовал ногу, чтобы открыть дверь* и т.п. Именно эти лакуны в парадигме, являются камнем преткновения для изучающих русский язык. Интерпретировать такие примеры не просто. Первый вопрос, который возникает перед нами: являются ли данные сбои случайными (например, их можно объяснить прихотью исторического развития языка) или за ними стоит не обнаруженная ранее система?

Теория скрытых грамматических категорий Б. Л. Уорфа и ее интерпретация в дальнейших лингвистических исследованиях

Нестандартная гипотеза, объясняющая эти проявления наличием особой неявно выраженной грамматической системы, была высказана Б. Л. Уорфом в статье «Грамматические категории» (Уорф, 1972, с. 46). Суть идеи Б. Л. Уорфа состояла в том, что в языке есть как открытые грамматические категории (фенотипы), так и скрытые грамматические категории (криптофенотипы).

Под открытой Б. Л. Уорф понимал такую категорию, «которая находит формальное выражение в каждом предложении, содержащем член этой категории». Например, категория множественного числа существительного в английском языке: абсолютное большинство существительных множественного числа маркируются граммемой *-s* (Уорф, 1972, сс. 45–46). При этом Б. Л. Уорф допускал, что маркером категории не обязательно должна быть граммема, это может быть и «отдельное слово или определенная модель целого предложения» (Уорф, 1972, с. 46).

Открытой категории противостоит скрытая категория, или криптофенотип. Суть определения Б. Л. Уорфом скрытой категории состояла в том,

что эта категория тоже может выражаться «специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и отнюдь не во всех предложениях, в которых представлен член этой категории» (Уорф, 1972, с. 47). Скрытая категория не видна сразу невооруженным глазом, не дается в руки лингвисту, не устанавливается, пока не будет употреблена в соответствующей оппозиции.

Примером скрытой категории может служить род существительных в английском языке. Хотя существительные английского языка никак не дифференцированы по роду, их замена местоимениями (*he, she, it*) в некоторых случаях «выдает» скрытую родовую принадлежность. По свидетельству Б. Л. Уорфа, соотношение различных живых и неживых объектов с местоимениями *he, she, it* в английском языке выглядит весьма причудливо:

К *he*-классу относятся взрослые животные, орлы, индюки.

К *she*-классу относятся кошки, крапивницы, суда с парусом.

К *it*-классу относятся детеныши животных, части тела, общества и корпорации, каноэ, плоты (Уорф, 1972, с. 48)².

Открытая категория одного языка, например, определенность/неопределенность в английском языке, в другом языке, например русском, может проявляться как скрытая. Это означает, что, употребляя существительное в английском языке, мы всякий раз должны его маркировать в соответствии с этой категорией. Русский язык от нас этого не требует, но из этого не следует, что в русском нет способов показать определенность/неопределенность: ср. предложение с квалификацией *Он убийца* (сообщение об отнесении к классу) vs. предложение с отождествлением *Он и есть убийца той самой старушки-процентщицы* (сообщение об идентификации) (Крылова, Максимов, & Ширяев, 1997; Федосюк, 2012).

Несовершенство уорфовского определения скрытой категории (= крипто типа) состояло в том, что для иллюстрации своей идеи он привлек примеры языковых явлений двух совершенно разных планов. С одной стороны, это рассмотренные выше не выраженные грамма-

² Этот крипто тип, зафиксированный для американского варианта английского языка в 30-е гг. XX в., очень напоминает вполне грамматикализованную классификацию языка дьирбал, описанную Р. Диксоном. В этом языке мужчины и опосумы попадают в одну категорию, женщины, светлячки и сверчки в другую, мед и сигареты в третью, наконец, птицы, ветер и камни – в четвертую (Лакофф, 2011, сс. 130–131).

тическими показателями некоторые оппозиционные значения (род в английском, определенность/неопределенность в русском), с другой – некие проявления, которые нельзя однозначно объяснить влиянием только грамматики или словаря, например, синтаксическое поведение прилагательных «ингерентных» групп. Так, в английском языке прилагательные, обозначающие цвет, стоят обычно в контактной препозиции по отношению к определяемому существительному, в то время как прилагательные, обозначающие объем или размер, занимают вторую (неконтактную) позицию, например: *large red house* (нельзя **red large house*) (Уорф, 1972, с. 51). Действительно, такое положение дел не поддается интерпретации с позиций грамматики или лексической семантики. Онтологическое объяснение также исключено, так как совсем не все языки мира следуют этому правилу. Например, в русской разговорной речи вполне допустимо: *Это там, за тем красным большим домом*. Таким образом, речь идет о неких правилах, которые регулируют в языке употребление слов, относящихся к макросемантическим группам: цвет, размер, форма, удаленность и др.

В дальнейшей лингвистической традиции (в частности, русской) эти явления разных планов получили также и разное терминологическое наименование. Двойственность трактовки была заложена в самом определении Б. Л. Уорфа: «Скрытая категория может быть названа *криптотипом* – название, которое концентрирует внимание на скрытой, зашифрованной природе таких групп слов» (Уорф, 1972, с. 50). Термин «скрытая категория» оказался очень удобен для обозначения тех четких оппозиционных значений, которые не маркированы на уровне граммы. Именно в этом направлении стала развиваться данная теория в работах Т. В. Булыгиной (Булыгина & Шмелев, 1997; Селиверстова, 1982). Скрытыми категориями русского языка были признаны определенность – неопределенность, контролируемость – неконтролируемость, адресат – обобщенноличность и др. (Булыгина & Шмелев, 1997, сс. 25–34). Термином «криптотип» сейчас обозначают очень общие бинарные соотношения, например, «свое» / «чужое», «далекое» / «близкое» и др. Самым приближенным к уорфовскому пониманию этого вопроса в настоящий момент являются исследования С. Г. Проскурина и О. М. Ореховой, где криптотипы рассматриваются как «смыслы, которые не заключены в конкретных словах, но которые все-таки выявляются в лингвистическом анализе» (Проскурин & Орехова, 2013).

Еще одной проблемой, оставленной нам в наследство Б. Л. Уорфом, является сама квалификация скрытой категории как грамматической. Отсутствие формального показателя (суффикса, флексии, артикля и т.д.) не лишает скрытую категорию, по мнению Б. Л. Уорфа, статуса грамматической. Достаточно вспомнить, что некоторые аффиксы, например в современном русском языке, по происхождению являются отдельными словами³. Напомним, что Б. Л. Уорф допускал выражение грамматической категории и особой моделью предложения. Однако нельзя не заметить, что скрытые категории проявляются более масштабно, чем собственно грамматические. Например, одним из частных проявлений категории количества является морфологическая категория числа, а частным проявлением категории активности/инертности является морфологическая категория одушевленности/неодушевленности. В терминологии позднейших исследователей, например И. А. Мельчука, контролируемость, принадлежность, отчуждаемость, посессивность, версия рассматриваются не как грамматические, а как семантические словоизменительные категории (Мельчук, 1998, сс. 36–46).

Описание скрытой грамматики и исчисление скрытых грамматических категорий в методологическом плане может идти двумя путями. Первое направление – это сопоставление с языками, где искомая категория выступает как открытая. Второе направление – это обнаружение категории в так называемых маргинальных проявлениях, т.е. в «сбоях», отклонениях, аномалиях в построении синтаксических структур.

Синтаксические сбои и аномалии в синтаксических структурах русского языка

Проблема скрытой грамматики обнаруживается тогда, когда мы встречаемся с таким запретом на употребление синтаксической конструкции, который представляется совершенно необъяснимым с точки зрения грамматики словоизменительной. На первый взгляд кажется, что подобный запрет имеет очень частное объяснение, лежащее в плоскости лексической семантики.

³ Суффикс *-ся* в формах *умылся, оделся* по происхождению является формой возвратного местоимения.

Рассмотрим некоторые из логических «сбоев» в синтаксических преобразованиях.

(1) Трансформация личного предложения в безличное:

- а. *Девушка смеется* → *Девушке смешно*.
- б. *Девушка сердится* → **Девушке сердито*⁴.
- в. *Мастер не работает* → *Мастеру не работается*.
- д. *Мотор не работает* → **Мотору не работается*.

В первых двух парах предложений (1а–б) воплощается пропозитивный смысл «состояние» (в данном случае это эмоциональное состояние). В примере (1а) возможна трансформация личного предложения в безличное так же, как и в ряде аналогичных (*она веселится* → *ей весело*; *она грустит* → *ей грустно*, *она тревожится* → *ей тревожно*, *она скучает* → *ей скучно* и др.). Пример (1б) такой трансформации не допускает – так же, как не допускают его и предложения: *она смущается* → *ей...*; *она злится* → *ей...*; *она страдает* → *ей...*; *она потеет* → *ей...*; *она голодает* → *ей...* Отметим, что эмоциональные и физические состояния в личном и безличном предложении в ряде случаев требуют лексически разных предикатов: *она мерзнет* – *ей холодно*.

При безличной трансформации в примере (1в) действие приобретает характер, не зависящий от воли субъекта. Безличное предложение представляет уже не действие, а состояние субъекта, которое выражается целым спектром характеристик: у мастера нет желания работать, у него это не получается и т.д. В (1б) подобная безличная трансформация невозможна, в том числе и потому, что неодушевленный предмет не обладает волей, которой можно лишиться⁵. Итак, личные предложения, выражающие состояние, далеко не всегда могут быть преобразованы в безличные.

(2) Постановка вопроса к предложению с пропозитивным смыслом «квалификация»:

- а. *Даниэль Дефо – английский писатель* → *Кто такой Даниэль Дефо?*

⁴ В статье использованы примеры ошибок, сделанных иностранными студентами-бакалаврами, обучавшимися в МГУ имени М. В. Ломоносова на факультете иностранных языков и регионоведения (записи 2014–2015 гг.).

⁵ Собственно глагол *работать* в примере (1б) имеет значение «функционировать, находиться в действии».

- b. *Анна Павлова – русская балерина → Кто такая Анна Павлова?*
- c. *Роман – жанр эпоса → Что такое (не *такой!) роман?*
- d. *Сказка – один из жанров фольклора → Что такое (не *такая!) сказка?*

Постановка вопроса к предложению с квалификационным пропозитивным смыслом регулируется одним особенным синтаксическим правилом, касающимся согласования указательного местоимения *такой*. В предложениях с вопросительными местоимениями *кто* и *что* местоимение *такой* по-разному выбирает контролеров для согласования⁶. В вопросительных предложениях (2a–b) действует правило смыслового согласования указательного местоимения с субъектом квалификации. Покажем это методом скобочной записи непосредственных составляющих:

(Кто ((ж.р. такая (ж.р. Анна Павлова)))?)

(Кто ((м.р. такой (м.р. Даниэль Дефо)))?)

В вопросительных предложениях (2c–d) правило согласования местоимения *такой* работает совершенно иначе: это местоимение в грамматическом плане никак не зависит от субъекта квалификации, но при этом условно согласуется с местоимением *что* в среднем роде. Покажем методом скобочной записи непосредственных составляющих согласование местоимения *такой* в предложениях (2c–d):

((((квази-ср.р. Что) ср.р. такое)) роман?)

((((квази-ср.р. Что) ср.р. такое)) сказка?)

Нетрудно заметить, что правило (2a–b) работает в отношении «одушевленных» субъектов квалификации, в то время как правило (2c–d) верно для «неодушевленных» субъектов квалификации.

Различие в формировании вопроса в этих типовых конструкциях вводит в заблуждение иностранцев, изучающих русский язык. Экстраполируя правило «кто такой/кто такая» (2a–b) на, казалось бы, аналогичные примеры иностранцы нередко совершают ошибки: **Что такой роман?*; **Что такая сказка?*

⁶ В *Русской грамматике* отмечается, что вопросительные местоимения «не имеют морфологической категории рода. Местоимение *кто* синтаксически ведет себя как сущ. муж. р.: *кто пришел?* Местоимение *что* ведет себя как сущ. сред. р.: *что случилось?*» (*Русская грамматика*, 1980, §1285, с. 537).

(3) Преобразование структур с актантом *инструмент*:

- а. *Он открыл дверь отмычкой* → *Он использовал отмычку, чтобы открыть дверь.*
- б. *Он открыл дверь ногой* → **Он использовал ногу, чтобы открыть дверь.*

Преобразование творительного инструмента в конструкцию «использовать + В.п.» возможно в (3а) и невозможно в (3б). Проблема в том, что конструкция «использовать + В.п.» характеризует, во-первых, нетипичное, не совсем традиционное применение инструмента (ср. *Он использовал топор, чтобы открыть банку тушенки*), во-вторых, ярко выраженную опосредованность, отделенность инструмента от субъекта воздействия (нельзя сказать: **Он использовал ногу/руку/плечо, чтобы открыть дверь*). По этим же двум причинам творительный инструмента не может быть заменен на конструкцию «с помощью + Р.п.»: *Она погладила кошку ладонью*, но невозможно **Она погладила кошку с помощью ладони*.

В русском языке актант инструмента при глаголах воздействия выражается в грамматическом плане очень разнообразно:

- творительный падеж без предлога используется для обозначения «узального» инструмента, который мы можем ожидать при данном типе воздействия на объект: *рубить топором; писать ручкой; рисовать карандашом*. Например, части тела человека – это узальный инструмента, который сопровождает человека во всех его действиях: *стукнуть кулаком; гладить ладонью; навалиться плечом; провести рукой* и др.
- конструкции *с + Т.п.* или *при помощи + Р.п.* употребляется для обозначения инструмента, без которого субъект в данной ситуации не способен осуществить действие: *рассматривать с лупой / при помощи лупы; переводить со словарем / при помощи словаря*. Ср. *Он прочитал статью, написанную мелким шрифтом* (зрение позволяло это сделать) vs. *Он с лупой прочитал статью, написанную мелким шрифтом* (действие не осуществимо без дополнительных средств).
- С + Т.п.* употребляется также для обозначения самостоятельного движения, но такого, которое требует поддержки: *ходить с палочкой; плавать с кругом; прыгать с парашютом*.
- для обозначения игры на музыкальном инструменте используется конструкция *на + П.п.* (в + В.п.): *играть на пианино, на рояле*,

на гитаре; а также *пиликать на скрипке, брэнчать на гитаре*, где сам глагол включает в себя компонент значения, указывающий на характер исполнения. Например, нельзя сказать *пиликать на гитаре*, т.к. глагол *пиликать* предполагает наличие смычка.

- для обозначения спортивной или детской игры используется конструкция *в + В.п.*: *играть в мяч, в шахматы, в куклы* (здесь наблюдается метонимический переход с инструмента на название игры).
- для обозначения приготовления пищи в какой-либо емкости используется конструкция *на/в + П.п.*: *жарить на сковородке, варить в кастрюле* и др.
- для обозначения стрельбы из огнестрельного или метательного оружия используется конструкция *из + Р.п.*: *целиться из лука, стрелять из ружья, пальнуть из пушки* и др.

Это далеко не полный перечень условий реализации актанта *инструмент* в русском языке. По сути, наше сознание не отождествляет многие из упомянутых выше орудий с этой валентностью. Инструментальность всех перечисленных конструкций становится очевидной при сопоставлении русского языка, например, с китайским, где универсальным маркером инструмента выступает слово *yong* – досл. «использовать, при помощи». Почти все (или очень многие) рассмотренные выше примеры можно перевести на китайский, используя слово *yong*⁷: Ср. *целиться из лука* – *yong-gongjian* (лук) – *miaozhun* (целиться); *варить в кастрюле* – *yong-guo* (кастрюля) – *zhu* (варить) и др. Эта обобщенность представления об инструменте калькируется китайскими студентами, изучающими русский: **Я вскипятил воду чайником*; **Он (щенок) использовал нос тереть мою ногу*; **Иван Царевич при помощи волка женился на Елене Прекрасной* и др.

На фоне сопоставления с китайским русский инструментальный ряд обнаруживает разветвленную криптосистему, которая дифференцирует весьма тонкие оттенки значения: типовой (узуальный) инструмент vs. нетиповой (неузуальный) инструмент (*открыл ногой/отмычкой* vs. *использовал отмычку*, но нельзя **использовал ногу/нос*); несамостоя-

⁷ За исключением некоторых видов оружия и игры на музыкальных инструментах, спортивной игры: *стрелять из ружья* : *kai* (открыть, включать) *qiang* (ружье); *wan* (играть) + название спорта.

тельность vs. самостоятельность действия (*рассматривал с лупой/при помощи лупы*, но нельзя **женился при помощи волка*); контактность vs. дистантность воздействия (*ударить ножом/выстрелить из револьвера*); открытый vs. закрытый способ приготовления пищи (*жарить на костре/в духовке*) и т.п.

(4) Преобразование структур с актантом адресат / бенефактив:

- а. *Она передала для нас китайский чай* → **Она дала для нас китайский чай*.
- б. *Он передал книгу сыну* (бенефактив, Д.п.) *Кати* → *b'* *Он передал книгу Кате для ее сына* (бенефактив, для + Р.п.) → *b''* **Он передал книгу Кате ее сыну* (бенефактив, Д.п.).

Предназначение в русском языке выражается в основном актантом адресата или бенефактива. Адресат при глаголе с семантикой «передача предмета/информации» представлен только одним падежом – дательным без предлога. Действительно, замена дательного падежа иной формой невозможна: *Она дала мне китайский чай* (ср. 4а: **Она дала для меня чай*). Бенефактив может выражаться как дательным падежом без предлога, так и конструкцией для + Р.п.: *передал сыну, передал для сына*. Однако если в предложении уже есть адресат в Д.п., бенефактив выражается единственно возможной формой: для + Р.п. (см. 4б', б''). «Запрет» на двойной дательный падеж здесь продиктован необходимостью прояснить, кто является настоящим бенефактивом (кому предназначается что-либо), а кто – лишь адресатом или посредником.

(5) Разбиение группы подлежащего, выражающей партитивное и социативное значение:

- а. Группа подлежащего с партитивным значением: *Княгиня с дочерью явилась на бал* → *Княгиня явилась с дочерью на бал*.
- б. Группа подлежащего с социативным значением: *Княгиня с дочерью явились на бал* → **Княгиня явились на бал с дочерью*.

Партитивный оборот предполагает объединение нескольких субъектов вокруг одного главного. Во многих древних языках партитив был грамматикализован: ср. др.-исл. *þeir Attila* букв. *они Аттила*, что означает «те, что с Аттилой», или «Аттила и его люди», др.-греч. *οι περι του Περικλέα* – «те, что вокруг Перикла» (Кацнельсон, 1949, с. 81). Партитивный оборот противопоставлен социативному, где члены группы равноправны. В русском языке синтагмы *княгиня с дочерью*,

подруга с детьми, Машиа с Катей не дают представление о иерархии членов группы. Однако разграничение партитив vs. социатив все же проявляется при синтаксических преобразованиях: партитив допускает разбиение именной группы (5а): *княгиня с дочерью явилась vs. княгиня явилась с дочерью* (первый пример проясняет главенствующую роль княгини: 'княгиня явилась сама и привела с собой дочь'). Разбиение социативной именной группы наталкивается на «запрет» (см. 5b). По-видимому, разграничение партитива и социатива (хотя бы даже синтаксическими средствами) является важным для русского языка, так как отображает степень самостоятельности/несамостоятельности субъектов в этих двух оборотах.

Партитивом в русском языке, по-видимому, являются также и конструкции *дом с мезонином, машина с прицепом, окно с решеткой* и др. Однако проясняет здесь партитивный смысл запрет на другую синтаксическую операцию: преобразование в сочинительный ряд (невозможно **дом и мезонин, *машина и прицеп* и др.)

- (6) Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным числительным:

Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным числительным, является одним из основных центров колебания синтаксической нормы в современном русском языке. Действительно, мы можем согласовывать именную группу с числительным как с единственным, так и с множественным числом глагола: *Три плода висели/висело на тонких ветках; Десять солдат попали/ В плен попало десять солдат*⁸.

Однако есть случаи, в которых двойственность согласования (либо с единственным, либо с множественным числом) допускается, как в (6а) или блокируется, как в (6б):

- а. *Два человека сидели в зале → В зале сидело два человека.*
б. *Два человека ели бутерброды → *Два человека ело бутерброды.*

Условное согласование в единственном числе среднего рода возникает тогда, когда мы хотим представить статичную ситуацию (а), и блокируется всякий раз, когда действие и действующие лица совершают актив-

⁸ Можно обратить внимание на то, что в конструкциях с единственным числом обстоятельство часто выносится в тему сообщения.

ные действия (б): **трое спортсменов метало диски*; **четыре девушки готовило обед* и т.д.

Все без исключения рассмотренные нами логические сбои в синтаксических преобразованиях являются отнюдь не частными и разрозненными примерами, а результатом влияния скрытой грамматики, точнее, определенного количества скрытых категорий (криптотипов). При всем разнообразии примеров можно выделить сквозные тенденции, которые обнаруживаются сразу в нескольких представленных нами оппозициях. Назовем основные скрытые категории, которые оказались «повинны» в появлении описанных выше синтаксических «запретов».

Скрытые категории русского языка

Категория контролируемости/неконтролируемости. Категория контролируемости, которая обозначает, совершается ли действие под полным или неполным контролем участника (Мельчук, 1998, с. 223), выступает как словоизменяемая, например, в табасаранском языке (Кибрик, 1979, с. 4; Мельчук, 1998, с. 224). В русском языке это скрытая категория, которая не проявляется в словоизменяемых аффиксах. Однако это одна из достаточно влиятельных категорий, которая регулирует многие правила построения синтаксических структур в русском языке. Один из «тестов», четко выявляющих контролируемость/неконтролируемость действия в русском языке, был предложен Т. В. Булыгиной (Селиверстова, 1982)⁹. Суть методики Т. В. Булыгиной заключается в том, что синтаксические структуры с неконтролируемыми действиями, во-первых, не допускают преобразования в предложения с придаточными цели (**камень падает, чтобы ушибить собаку*); во-вторых, начало действия не передается предложением с инфинитивным сказуемым (*Она начала толстеть* → **Она толстеть*) (Булыгина & Шмелев, 1997, сс. 31–32).

В наших примерах (1a–b), *девушка смеется vs. девушка сердится* показаны, на первый взгляд, рядоположенные эмоциональные состояния. Однако состояние *смеяться* представляется носителям русского языка более контролируемым, чем *сердиться*. Кроме того, состояние *смеяться*

⁹ Автор цитируемого раздела книги – Т. В. Булыгина.

может быть ограничено временными рамками (*Я полчаса смеялась над этим анекдотом*), состояние *сердиться* не предполагает временных рамок (*Я полчаса на него сердилась*). Обращаясь к тесту Т. В. Булыгиной, получаем предложения:

Девушка начала смеяться → *Девушка ну смеяться!* → *Девушка смеется, чтобы скрыть слезы.*

Девушка начала сердиться → **Девушка ну сердиться!* → **Девушка сердится, чтобы...*

Таким образом, лакуна в парадигме синтаксических трансформаций личных предложений в безличные (**девушке сердито*) вполне закономерна и объясняется, на наш взгляд, влиянием категории контролируемости/неконтролируемости.

Категория самостоятельности/несамостоятельности. Данная категория является «дочерней» для категории контролируемости. Она обозначает степень личного участия субъекта в действии. Есть языки, которые достаточно ясно противопоставляют самостоятельность/несамостоятельность действия. Так, для китайского языка глагол движения в синтагмах *ехать на автомобиле* (субъект самостоятельно управляет механизмом) и *ехать на лифте* (субъект самостоятельно не управляет механизмом) поверхностно различаются¹⁰.

В русском языке категория самостоятельности/несамостоятельности совершения действия проявляется при выражении инструментального значения. Самостоятельность предполагает «личное участие» в действии, проявление воли субъекта; несамостоятельность состоит в том, что личного участия и волеизъявления субъекта недостаточно для того, чтобы действие было совершено. Необходим помощник - инструмент, без которого действие в данной ситуации невозможно¹¹. Так, использование части тела в качестве инструмента (*открыть дверь ногой, потереться носом, навалиться плечом, погладить ладошкой* и др.), т.е. самостоятельное совершение действия, не допускает преобразование в конструкцию с явным маркером несамостоятельного совершения

¹⁰ *Я сам веду автомобиль* – *kai* + вид транспорта vs. *ехать на лифте/пассажиром в машине* – *zuo* + вид транспорта.

¹¹ Например, для прыжка с вышки достаточно желания, но нужен инструмент (парашют). Действие несамостоятельно.

действия: *при помощи X, использовать X, с + Т.п.* Именно поэтому невозможны употребления **Использовал нос тереть мою ногу, *Открыл дверь с помощью ноги* и др. Отметим также, что конструкция *с + Т.п.* обслуживает как несамостоятельное действие (*читать со словарем, с лупой*), так и несамостоятельное движение (*прыгать с парашютом, плавать с кругом*). Наконец, маркер несамостоятельности (*при помощи*) невозможен в русском языке при описании действия, которое полностью зависит от субъекта. Именно поэтому нельзя сказать **Иван Царевич женился при помощи волка*.

Категория самостоятельности/несамостоятельности различает конструкции с партитивным и социативным значением в русском языке (см. 5а, 5b). Партитив предполагает самостоятельность одного из членов «группы» и несамостоятельность остальных, социатив делает всех членов «группы» самостоятельными и равноправными.

Категория активности/инертности. Для индоевропейских языков категория активности/инертности в ее классическом понимании считается пережитком прошлого. В индоевропеистике до настоящего времени актуальной является гипотеза об участии этой категории в формировании трехчленной родовой классификации существительных, которой предшествовала двучленная (несредний vs. средний род, т.е. активное существо vs. инертная вещь). Категория активности/инертности оставила свой след и в формировании категории числа, а также в согласовании по числу субъекта и предиката. Может ли полностью исчезнуть, не оставив следа в грамматике, столь влиятельная в прошлом категория?

В русском языке эта категория проявляется как скрытая. Собственно, единственным ее открытым участком является разбиение на классы одушевленных/неодушевленных существительных¹². Активность/инертность – категория, которая проявляется как в имени, так и в глаголе. Активность существительного не связана напрямую с личностью или одушевленностью, так как этим свойством могут, например, наделяться явления природы, небесные тела и др. Скорее, дифференциальным для этой категории является признак «находящийся в движении» vs. «нахо-

¹² Категория одушевленности/неодушевленности — один из наследников ментальной классификации вещей по признаку активности/инертности — сложилась в русском языке не раньше XVI–XVII вв.

дящийся в покое» (или иначе: динамичный vs. статичный). Активность в глаголе проявляется в валентной структуре и ориентации глагола относительно того актанта, который выбирается на роль подлежащего в предложении. Это позволяет разделять глаголы на две группы: *activa tantum* и *perfecta tantum* (Степанов, 1988, с. 51). В целом можно выделить семантические классы глаголов, которые будут стремиться к первой или второй группе. Так, глаголы, обозначающие физиологические процессы, эмоциональные состояния, активные типы воздействия, будут отнесены к первой группе. Глаголы, обозначающие местоположение, существование, квалификацию и др., – ко второй. Активность/инертность в глаголе, например, русского языка выражается достаточно сложным комплексом, сочетающим в себе отнесенность к семантическому классу, конверсивность и залог.

Параметр активности/инертности регулирует правила координации сказуемого в тех случаях, когда в позиции подлежащего оказывается именная группа, обозначающая множество субъектов. Вопрос в данном случае касается выбора граммы числа у глагола. Множеству активных субъектов обычно соответствует сказуемое во множественном числе, множеству инертных – единственное (см. примеры 6а, 6б).

Колебание нормы (*Два человека сидели в зале vs. В зале сидело два человека*) объясняется, вероятно, семантикой предиката. Активное действие оформляется множественным числом, инертное – существование, местоположение – единственным, см. классификацию типовых пропозитивных смыслов М. Ю. Федосюка (Федосюк, 2012, сс. 181–200). Сказуемое, выраженное активным глаголом, почти всегда стоит во множественном числе (*Два человека ели бутерброды* → **Два человека ело бутерброды*). Сказуемое, выраженное инертным глаголом (например, экзистенциальным), допускает варианты: *Две кошки были у нее vs. Две кошки было у нее*. Категория активности/инертности, находясь на периферии грамматической системы, проявляет себя, тем не менее, достаточно настойчиво. Как было сказано выше, одним из внешних, словоизменительных показателей активности/инертности является разбиение на классы одушевленных/неодушевленных существительных. Рассмотренные выше примеры синтаксических «сбоев» (1с–d): *Мастер не работает* → *Мастеру не работается*; *Мотор не работает* → **Мотору не работается*, а также разных синтаксических стратегий в отношении постановки вопроса в (2а–b) и в (2с–d) – доказывают значимость этого

разбиения на классы не только для русской морфологической системы, но и для существующих правил построения предложений.

Категория версии. Данная категория способна выражать 3 типа «предназначения»¹³:

- a. «*X* делает нечто для себя (*Xa*)», где *X* – субъект действия и заинтересованное лицо (бенефактив);
- b. «*X* делает нечто для *Y*», где *X* – субъект действия, а *Y* – заинтересованное лицо.
- c. «*X* делает нечто», где *X* – субъект действия, а заинтересованное лицо представлено нулем.

Эти три варианта «предназначения» выражают, соответственно, 3 версии: а) центростремительную (субъект = бенефактиву); б) центробежную (субъект ≠ бенефактиву); в) нейтральную (бенефактив = 0).

В прошлом некоторых индоевропейских языков эта категория была открытой и воплощалась в противопоставлении актива и пассива, что находило отражение в граммемах глагола, как в санскрите («он совершает жертвоприношение **для себя**» *yajate* – «он совершает жертвоприношение» *yajati*); древнегреческом («он несет дары себе» *δωρα φέρει* — «он несет дары себе» *δωρα φέρει*) и др. В тех языках, где категория версии жива в системе словоизменения, есть оппозиционные морфемы, которые выражают центростремительную и центробежную версию, как например, суффиксы *-ki* и *-ri* в языке кечуа, противопоставляющие такие пары глаголов: *takikiu* «петь для себя» — *takiriu* «петь для кого-то», *tanakiu* «просить для себя» — *tanariu* «просить для кого-то» и т.д. (Корнилов, 2011, сс. 55–56; Пестов, 1980, сс. 129–132). Ясно различимые показатели трех видов версионных отношений есть и в современном грузинском языке, где показатель *i*- противопоставляет центростремительную версию центробежной с показателем *u*- (Мельчук, 1998, с. 216).

В русском языке категория версии – скрытая, выражаемая только путем слов-маркеров (например, возвратного местоимения для центростремительной версии) и особой системы выстраивания падежей для обозначения бенефактива (для центробежной версии). Запрет на двойной

¹³ Классификация трех версионных значений базируется на картвелистической лингвистической традиции (Ломтатидзе, 1976), на теории диатез (Холодович, 1979), общей теории морфологических значений И. А. Мельчука (Мельчук, 1998, сс. 215–218).

дательный падеж в примере (4a–b) как раз демонстрирует проявление скрытой категории версии в русском языке¹⁴.

Обобщая все сказанное, отметим, что многие, на первый взгляд, кажущиеся маргинальными синтаксические явления – разного рода запреты на формирование структуры, аномалии, лакуны в синтаксических трансформационных парадигмах – могут быть объяснены с позиций скрытой грамматики. Важные для человека ментальные классификации мира вещей и явлений далеко не всегда эксплицируются в грамматической системе как таковой. Существенные, обобщенные оппозиционные значения – контролируемость/неконтролируемость, самостоятельность, активность/инертность, определенность/неопределенность, версия (центробежная/центростремительная), количество (большое/малое) и др. – не во всех языках находят выражение в граммах соответствующих грамматических категорий, зато достаточно регулярно воплощаются в синтаксисе.

Библиография

- Булыгина, Т. В., & Шмелев, А. Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Гордиевская, М. Л. (2012). Категория версии и ее реализация в синтаксисе русского языка. *Urbi et Academiae*, 1(3), 64–70.
- Кацнельсон, С. Д. (1949). *Историко-грамматические исследования*. Москва: Наука.
- Кибрик, А. Е. (1979). *Материалы к типологии эргативности: 4. Табасаранский язык; 5. Агульский язык*. Москва: Институт русского языка АН СССР.
- Корнилов, О. А. (2011). *Язык инков – кечуа*. Москва: Университет. Книжный дом.
- Крылова, О. Н., Максимов, Л. Ю., & Ширяев, Е. В. (1997). *Современный русский язык: Теоретический курс: Синтаксис, Пунктуация*. Москва: РУДН.

¹⁴ В русском языке бенефактив имеет варианты выражения (Д.п. // для + Р.п.). Варьирование дательного и родительного падежей бенефактива различает степень заинтересованности лица в получении действия. Так, конструкция с *для* + Р.п. будет отчетливее выражать смысл «предназначение»: *Он привез соседке дрова – Он привез для соседки дрова*. В первом примере соседка является «получателем действия» и «пунктом назначения» одновременно, во втором – тем субъектом, ради которого затевалось действие. С еще большей настойчивостью «предназначение» действия выражается бенефактивом в структурах с предлогом *ради*. См. Гордиевская (2012).

- Лакофф, Дж. (2011). *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении* (Книга 1, *Разум вне машины*). Москва: Гнозис.
- Ломтатидзе, К. В. (1976). Категория версии в картвельских и абхазо-адыгейских языках. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*, 3, 87–95.
- Мельчук, И. А. (1998). *Курс общей морфологии* (Vol. 2/2, *Морфологические значения*). Москва: «Языки русской культуры».
- Пестов, В. С. (1980). Об отображении субъектно-объектных отношений в глаголе кечуа. *Вопросы языкознания*, (4), 129–132.
- Проскурин, С. Г., & Орехова, О. М. (2013). Криптотип: Семиотические подходы к неявной грамматике. *Критика и семиотика*, 1(18), 54–64.
- Русская грамматика*. (1980). (Vol. 1). Москва: Наука.
- Селиверстова, О. Н. (Ed.). (1982). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука.
- Степанов, Ю. С. (1988). Индоевропейское предложение: Лексические вхождения в структурную схему. *Вопросы языкознания*, (1), 46–65.
- Уорф, Б. Л. (1972). Грамматические категории. In Б. А. Успенский (Ed.), *Принципы типологического анализа языков различного строя* (pp. 44–60). Москва: Наука.
- Федосюк, М. Ю. (2012). *Синтаксис современного русского языка*. Москва: ИНФРА-М.
- Холодович, А. А. (1979). *Проблемы грамматической теории*. Ленинград.

Bibliography (transliteration)

- Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (1997). *IAzykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoï grammatiki)*. Moskva: Shkola "IAzyki russkoï kul'tury".
- Gordievskaiia, M. L. (2012). Kategoriiia versii i ee realizatsiia v sintaksise russkogo iazyka. *Urbi et Academiae*, 1(3), 64–70.
- Fedosiuk, M. I. (2012). *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka*. Moskva.
- KHolodovich, A. A. (1979). *Problemy grammaticheskoi teorii*. Leningrad.
- Kibrik, A. E. (1979). *Materialy k tipologii érgativnosti: 4. Tabasaranskiï iazyk; 5. Agul'skiï iazyk*. Moskva: Institut russkogo iazyka AN SSSR.
- Katsnel'son, S. D. (1949). *Istoriko-grammaticheskie issledovaniia*. Moskva: Nauka.
- Kornilov, O. A. (2011). *IAzyk inkov – kechua*. Moskva: Universitet. Knizhnyi dom.
- Krylova, O. N., Maksimov, L. I., Shiriaev, E. V. (1997). *Sovremennyï russkiï iazyk: Teoreticheskii kurs: Sintaksis. Punktuaitsiia*. Moskva: RUDN.
- Lakoff, D. (2011). *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii* (Pt. 1, *Razum vne mashiny*). Moskva: Gnozis. (Original title: *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*).
- Lomtadidze, K. V. (1976). Kategoriiia versii v kartvel'skikh i abkhazo-adygeiskikh iazykakh. *Ezhegodnik iberiisko-kavkazskogo iazykoznaniiia*, 3, 87–95.

- Mel'chuk, I. A. (1998). *Kurs obshchei morfologii* (Vol. 2/2, *Morfologicheskie znachenii*). Moskva: «IAzyki russkoï kul'tury».
- Pestov, V. S. (1980). Ob otobrazhenii sub"ektno-ob"ektnykh otnoshenii v glagole kechua. *Voprosy iazykoznanii*, (4), 129–132.
- Proskurin, S. G., & Orekhova, O. M. (2013). Kriptotip: Semanticheskie podkhody k neiaвноï grammatike. *Kritika i semiotika*, 1(18), 54–64
- Russkaia grammatika*. (1980). (Vol. 1). Moskva: Nauka.
- Seliverstova, O. N. (Ed.). (1982). *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka.
- Stepanov, I. S. (1988). Indoevropeskoe predlozhenie: Leksicheskie vkhozhdeniia v strukturnuiu skhemu. *Voprosy iazykoznanii*, (1), 46–65.
- Uorf, B. L. (1972). Grammaticheskie kategorii. In B. A. Uspenskii (Ed.), *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia* (pp. 44–60). Moskva: Nauka.

Covert categories of the Russian language and formation of “syntactic prohibitions”: formulating the problem

Summary

The paper covers various deviations from rules and anomalies in syntactical constructions of the Russian language, lacunas in syntactic paradigms determined by a number of covert categories (cryptotypes). Among the covert categories that are revealed based on an analysis of atypical syntactic usages or syntactic gaps which I dub “syntactic prohibitions” are: controlled vs. uncontrolled actions, dependence vs. independence, activity vs. inaction, and version. One of the sources allowing to identify these syntactic gaps have been erroneous Russian sentences constructed by foreign students of Russian. Covert categories of the Russian language have usually been discovered by comparison with overt categories (phenotypes) in other languages. The present article offers a preliminary analysis of the use of lacunas in syntax paradigms as another method, besides the comparative one, of revealing covert categories in Russian.

Ukryte kategorie języka rosyjskiego a powstawanie „zakazów składniowych”: ku postawieniu problemu

Streszczenie

Artykuł traktuje o odstępstwach od zasad i anomaliach obecnych w konstrukcjach składniowych języka rosyjskiego – o lukach w paradygmatach składniowych, będących wynikiem działania szeregu ukrytych kategorii (kryptotypów). Wśród ukrytych kategorii ujawnionych dzięki analizie nietypowych konstrukcji – czy też „zakazów” – składniowych są: kontrolowalność i niekontrolowalność, zależność i niezależność, aktywność i inercyjność oraz wersja. Jednym ze źródeł pozwalających na rozpoznanie owych „zakazów” były błędne zdania formułowane w języku rosyjskim przez uczące się go osoby obcojęzyczne. Ukryte kategorie języka rosyjskiego ujawniono zwykle przez porównywanie jego zasad z jawnymi kategoriami (fenotypami) innych języków. W niniejszym artykule przedstawiono wstępną próbę zastosowania analizy luk w paradygmatach składniowych jako innej niż porównawcza metody ujawniania ukrytych kategorii języka rosyjskiego.

Keywords: Russian language; covert categories; controlled action; uncontrolled action; dependence; independence; activity; inaction; version

Słowa kluczowe: język rosyjski; ukryte kategorie; kontrolowalność; niekontrolowalność; zależność; niezależność; aktywność; inercja; wersja

Maria Gordievskaja, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow
Correspondence and contact: margord@mail.ru; telephone: +79039704150

This work was funded by a grant from the Russian Foundation for Humanities (Project No. 14-04-00145 “Implicit content of Russian speech units: a systematic description”).

Competing interests: The author has declared she has no competing interests.